

ГЛАВА 3

ИЗ АГЕНТУРНОГО ДЕЛА НИКОЛАЯ СКОБЛИНА

Тут необходимо сделать еще одно важное отступление. Впервые о советском агенте «Фермере» (Скоблине) широкой общественности рассказали в 1989 году, после публикации статьи в газете «Неделя». После этого известный журналист Леонид Млечин, получив документы, написал книгу. С тех самых пор на нее ссылаются абсолютно все авторы, которые пишут о похищении генерала Миллера. Как российские, так и зарубежные. Но необходимо признать: некоторые факты, введенные в исторический оборот Млечиным, нуждаются в дополнительной проверке. Слишком уж много в них содержится ошибок. Нужно учитывать и то обстоятельство, что после Млечина никто из историков, занимающихся историей РОВС или советской разведки, с документами этими не работал. Поэтому проверить Леонида Михайловича не представляется возможным. По крайней мере — на эту минуту.

У автора есть свой взгляд на описываемые события. Но в рамках этой книги излагать его не стану. Иначе это будет просто бесконечная история, которую едва ли кто-то из читателей осилит до конца. Собранных мной за эти годы документов и свидетельств о жизни Николая Владимировича с лихвой хватит на объемный трехтомник.

О Скоблине заговорили на Лубянке сразу после похищения генерала Кутепова, увенчавшего конец второй фазы операции «Трест». Советские контрразведчики решили начать этап борьбы с русской военной эмиграцией. Был придуман простой, как все великое, план: завербовать кого-нибудь из начальников РОВС. Но кого? И кто сможет это сделать? По всем управлениям ОГПУ СССР была разослана ориентировка, суть которой сводилась к тому, что нужен надежный человек, в прошлом белогвардеец, который знаком

с лидерами Русского общевойскового союза лично и смог бы уговорить их работать на советскую разведку.

Вскоре пришел ответ, подписанный начальниками Контрразведывательного и иностранного отделов ОГПУ Украины:

«Вы обратились к нам с просьбой подыскать сотрудника, который мог бы выполнять работу в Югославии. Мы решили рекомендовать вам для этой цели нашего секретного сотрудника “Сильвестрова”. Последний является проверенным человеком, весьма толковым, решительным и настойчивым. О вашем решении просим срочно нас известить, так как, если вы не найдете возможным использовать “Сильвестрова” по Югославии, мы отправим его на другую работу».

«Сильвестров» — это бывший штабс-капитан Корниловского ударного полка Петр Георгиевич Ковальский. В Белом движении он был с первого дня. В бою под Таганрогом был тяжело ранен и после выздоровления решил, что хватит с него пролитой крови. Он предполагал вернуться к родителям и поступить в университет. Но его мобилизовали в армию гетмана Скоропадского, служить которому он не собирался. Ковальский тут же предложил свои услуги Петлюре, который отчаянно нуждался в офицерах. Его немедленно произвели в полковники, а через неделю он стал генерал-квартирмейстером. Но счастье было недолгим. Скоро ему в руки попала телеграмма с требованием немедленно задержать дезертира Ковальского. Арестовывать сам себя он не захотел, предпочтя сбежать в Одессу, где рассказал о своем легендарном боевом прошлом в рядах Корниловского ударного полка. Приняв во внимание, что его отец был железнодорожником, его назначили комендантом станции «Новороссийск».

После этого был Бредовский поход, закончившийся в Польше, где армию интернировали. Большинство офицеров мечтало о продолжении борьбы за Россию, о новом

Кубанском походе. А вот Ковальский все для себя решил. Он предпочел остаться в Польше. Три года он жил, буквально побираясь. Ночами он мечтал только об одном — наесться вдоволь. И однажды не выдержал. Пришел с повинной в консульство СССР. Нельзя сказать, что там ему были сильно рады. Все же он был корниловцем, а чекисты понимали — это самые лютые враги советской власти. Но вернуться на родину ему разрешили. Призвали в Красную армию, потом перевели в ГПУ. Поселился он в Харькове, официально работал бухгалтером...

Его немедленно затребовали в Москву и заставили написать, кого из лидеров Белого движения он знает лично:

- «1. Генерал Кутепов. Мы познакомились в общежитии Красного Креста в Новочеркасске в 1917 году, где собиралось первое ядро Добровольческой армии. Встречались часто. Во время обороны Ростова Кутепов был в опале у Корнилова (Корнилов не любил бывших гвардейцев) и был младшим офицером в офицерской роте, от командования был отстранен за оставление Таганрога. Встречались, повторяю, часто, но были довольно далеки.
2. Генерал Скоблин. Мы познакомились в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда 8-й армии. Скоблин был штабс-капитаном. Мы были большими друзьями. Почти год служили в одном полку — Отдельный ударный отряд, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк. После ранения один раз гостил у него в Дебальцево, другой и последний раз кутили в Харькове в “Астраханке” в 1919 году.
3. Генерал Скало. Бывший “императорский стрелок”, познакомились с ним в Кременчуге, когда он был назначен начальником обороны района. Были большими друзьями, часто пьянствовали, вместе отступали в Польшу, где сидели в Щелковском лагере. Жили в одном бараке, часто пьянствовали и там. Последний раз виделись в 1920 году.

4. Генерал Шатилов. Познакомились на Царицынском фронте, часто встречался с ним в штабе Врангеля, близко знаком не был».

Из этого списка ГПУ больше всего интересовал, безусловно, Шатилов. Но сомнительно, чтобы он вспомнил какого-то Ковальского. На втором месте шел Скоблин. Что о нем знали в Москве? В Иностранном отделе ОГПУ на него была составлена такая справка-характеристика:

«Скоблин Николай Владимирович. 1893 года рождения, из дворян Черниговской губернии. Убежденный белогвардеец, одним из первых прибыл на Дон по приказу Корнилова. Генерал-майор, командир Корниловского ударного полка. Галлиполиец. Личностные качества: храбрость, хладнокровие, выдержка, умение расположить к себе окружающих, общительность. Вместе с тем циничен, склонен к интриганству и карьеризму. Существует на доходы от концертной деятельности жены. Может быть взят в разработку в качестве агента».

Бывший советский разведчик Кирилл Хенкин был убежден — в таких случаях всегда взывали к патриотизму:

«Сотрудники парижской резидентуры ОГПУ, а затем и НКВД уверяли вчерашних бойцов белогвардейских армий, иных противников большевиков, что, проиграв на полях сражений схватку с пролетариатом, они просто обязаны помочь покинутой ими Отчизне. На чем ловили агентуру для советской разведки? На чувстве вины дворян-интеллигентов перед многострадающим народом, которому они должны были помочь подняться еще в Октябре, вместо того чтобы бороться против него. Если бы они сразу пошли служить пролетарской России, а не сражаться против нее, все было бы совершенно иначе!»

Нужно отметить, что стопроцентно достоверной информации о лидерах Русского общевоинского союза у Иностранного отдела ГПУ не было, несмотря на многолетнее

наблюдение за русской эмиграцией. Долгие годы они были вынуждены ориентироваться на показания вернувшихся в СССР. В частности, на воспоминания генерала Слащёва, который лично знал всех лидеров Белого движения на Юге России. Но легче от этого не было, ведь он всячески превозносил себя, давая вчерашним соратникам уничижительные характеристики. Вот лишь несколько из них:

«Кутепов — строевой офицер, не бравший с момента производства книги в руки, так что мог недурно командовать ротой, но не больше. Это типичный представитель “строевого офицера” в скверном смысле этого слова, великолепно замечавший, если где-нибудь не застегнута пуговица или перевернулся ремень, умевший равнять и муштровать часть и производить сомкнутое учение, но решительно ничего не понимавший в области командования войсками, их стратегического и тактического использования и сохранения войск в бою. Все это дополнялось крайним честолюбием, эгоизмом, бессмысленной жестокостью и способностью к интригам.

Начальник Дроздовской дивизии — генерал Витковский, был сколок с Кутепова и так же мало, как и он, смыслил в военном деле; я их обоих называл хорошими фельдфебелями. Командир конного корпуса Барбович — человек очень симпатичный, но мало знающий. Лично храбрый и хорошо бы командовал эскадроном и даже полком, но дальше никауда не годился...»

В результате долгих размышлений было принято решение попытаться завербовать Скоблина, для чего Ковальский был тут же отправлен в Европу.

Однако вместо Парижа, где жил Скоблин, Ковальский почему-то оказался в Вене. Резидент ОГПУ, встретив гостя из Москвы, не скрывал удивления: как вербовать Скоблина в Австрии? Ковальский молчал. Он и сам не понимал, что

происходит. Тут же была послана гневная шифровка на Лубянку:

«Прибыл “Сильвестров”. Сообщение о его прибытии от вас получил на пять дней позже. Из разговора с ним выясняется, что никаких определенных связей у него нет, а старых знакомых он растерял. С нашим аппаратом выяснить их местопребывание невозможно. Вообще по белым он специально не работал. Работал в Варшаве по военной линии, ездил в Румынию по легенде, которую держали в руках не мы, а румыны. В прошлом он белый, но этого мало.

Я удивлен, что заранее не было все приготовлено, не проверены адреса, не написаны письма и т. д. Он сейчас здесь будет сидеть без дела и ждать, пока вы пришлете рекомендательные письма, наведете справки, и за это время может провалиться со своим персидским паспортом.

Так как генерал Скоблин, по газетным данным, находится во Франции и почти все знакомые “Сильвестрова” находятся там же, то, очевидно, придется его туда послать для вербовки. Следует обсудить, не целесообразнее ли передать его другому заграничному аппарату, который работает на Францию. Случай с “Сильвестровым” говорит, что такого рода посылки необходимо тщательнейшим образом готовить, заранее точно проверять адреса, по которым источник может начать работу, разработать легенду, по которой он идет, посылать людей не со связями вообще, а с совершенно определенными связями. Словом, посылать, зная наперед, с чего начнется работа и где ее можно начать. Без такой подготовки всякая посылка людей закончится плачевно и будет только стоить много денег».

Пока возникла непредвиденная пауза, бывший штабс-капитан писал письма жене. Вот одно из них:

«Жив, здоров, поправился на три с половиной килограмма, все свободное время болтаюсь в горах (живу в отрогах Альп). Какая это прелесть — сочетание дикой природы с культурой!

Что Европа, конечно, далеко впереди нас, это всем известно, но, видя эти достижения культуры и техники, хочется скорее сесть на “наш паровоз” (время покажет, “кто кого”) и обогнать гнилую Европу.

Дорогой Раек! Да наша последняя проститутка гораздо полнее (по своему внутреннему содержанию), честнее и порядочнее любой из здешних женщин. Ты себе представить не можешь, как мне хочется поболтать с нашими бабами из райсовета в платочках и посмеяться с ними над чопорными, беспринципными, продажными европейками.

Следи за тем, чтобы тебе аккуратно выдавали содержание. Ваш Петя».

Необходимо признать: Ковальский не был готов к такой работе. Это отчетливо проявилось в дальнейшем. 21 января 1931 года его арестовали в Вене. Он обернулся, услышав русскую речь, хотя в кармане у него был чешский паспорт. И если бы не ротозейство следователя — быть бы международному скандалу. У советского агента при себе был пузырек с химическими чернилами для тайнописи. И ручка, которой он составлял донесения. Он их почему-то не хранил в тайнике, как полагалось, а таскал с собой. Чернила ему удалось уничтожить. Он, под видом того, что в пузырьке находится лекарство, попросил стакан воды. И выпил содержимое на глазах у следователя. А на ручку в полиции внимания не обратили. Их гораздо больше занимали списки, которые были обнаружены у Ковальского. Он сказал, что это личный состав объединения чинов Корниловского ударного полка. Австрийцы проверять не стали, допустив, таким образом, вторую ошибку. А третья ошибка состояла в том, что не был дан запрос в Министерство иностранных дел. Иначе бы выяснилось, что у господина Ковальского паспорт до этого был персидский и в Чехословакии он не был.

В Париже Ковальский оказался в сентябре 1930 года. Довольно быстро выяснив адрес Скоблина, он немедленно отправился к нему домой. И начал вербовку. Скоблин был готов. Просил он за свои услуги 250 долларов в месяц и 5 тысяч франков единовременной выплаты. 250 долларов тогда — это примерно 4,5 тысячи долларов нынешних. Чуть меньше платила в месяц Литвиненко британская разведка в XXI веке. Это вполне приличные деньги для агента.

Ковальский не был уполномочен решать финансовые вопросы, поэтому предложил Скоблину немного подождать. А чтобы на родине быстрее приняли решение, было составлено письмо в Москву:

«ЦИК СССР. От Николая Владимировича Скоблина. Заявление. 12 лет нахождения в активной борьбе против советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений. Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и обо всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам. 10 сентября 1930 года».

Заявление Скоблина сопровождал отчет Ковальского:

«Генерал пошел на все и даже написал на имя ЦИК просьбу о персональной амнистии. По моему мнению, он будет хорошо работать. Жена генерала согласилась работать на нас.

Подписка Скоблина написана симпатическими чернилами “пургеном” и проявляется аммоняком (летучая щелочь). Беда в том,

что когда аммоняк улечувачается, то снова письмо теряется. Пусть у нас его проявят какой-либо другой щелочью после первого чтения. Визитная карточка служит паролем. Генерал будет разговаривать с любым посланным от нас человеком, который предъявит такую визитную карточку».

Москва немедленно ответила:

«Вербовку генерала считаем ценным достижением в нашей работе. В дальнейшем будем называть его «Фермер», жену — «Фермерша». На выдачу денег в сумме 200 американских долларов согласны. Однако деньги ему надо выдавать не вперед, за следующий месяц, а за истекший, так сказать, по результатам работы. Пять тысяч франков выделены.

Однако прежде, чем мы свяжем «Фермера» с кем-либо из наших людей, нужно получить от него полный обзор его связей и возможностей в работе. Пусть даст детальные указания о людях, коих он считает возможным вербовать, и составит о них подробную ориентировку. Возьмите у него обзор о положении в РОВС в настоящее время и поставьте перед ним задачу проникновения в верхушку РОВС и принятия активного участия в его работе. Наиболее ценным было бы, конечно, его проникновение в разведывательный отдел организации.

В докладе «Сильвестрова» упоминается о том, что она (Плевицкая. — А. Г.) также дала согласие. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно «согласие». Она может работать самостоятельно. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где она вращается, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос о способах ее дальнейшего использования».

Скоблину сразу же сократили жалованье. Но это нормальная практика для разведки.

Агенту всегда платили меньше, чем он запрашивал при вербовке, а затем, если вербовка была удачной, постепенно повышали выплаты. Именно потому, что Скоблин ничего

и не сделал и должен был еще доказать свою ценность, его приняли на службу не на его условиях, а на условиях начальника.

Новый агент составлял отчеты для Ковальского, который пересылал их в Москву. Вот один из них:

«Главную роль во всем РОВС играет генерал Шатилов, который, пользуясь своим влиянием на генерала Миллера, держит все и всех в своих руках. Практически РОВС — это он. Миллер лишь представляет. Среди эмигрантских организаций Шатилов не пользуется симпатией. Опирается на нас — корниловцев...»

Иностраннный отдел, чтобы закрепить успех, приказал Скоблину подписать два важных документа:

1. «Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено. Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете».
2. «Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР».

* * *

Содержится в деле и отчет о «Бунте маршалов»:

«22 февраля с. г. без предупреждения к генералу Миллеру явилась группа командиров отдельных воинских объединений РОВС во Франции: генерал Витковский — командир 1-го корпуса, генерал Скоблин — командир Корниловского полка, генерал Туркул — командир Дроздовского полка, генерал Пешня — командир Марковского полка, Орехов — командир железнодоро-